

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

*КОСМОНАВТИКА
И ДОНСКОЙ КРАЙ*

Звёзды

в линиях

чертежей...

Книга первая

РОСТОВ - НА - ДОНУ

2012

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**РЕЛЬЕФНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАФИКА:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**РЕДАКТОР ПО БРАЙЛЮ
В. И. МАРТЫНОВ**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
Т. Н. КОНДРАТЕНКО**

**БРАЙЛЕВСКИХ ЛИСТОВ:
УЧЁТНО-ИЗДАТЕЛЬСКИХ ЛИСТОВ:**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГБУК РО
«РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

**ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ» ВЫРАЖАЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ
ЗА ОКАЗАННУЮ ПОМОЩЬ В ПОДГОТОВКЕ ИЗДАНИЯ**

**РОСТОВСКОМУ МУЗЕЮ КОСМОНАТИКИ,
БАТАЙСКОМУ МУЗЕЮ КРАЕВЕДЕНИЯ,
МУЗЕЮ БАТАЙСКОЙ ШКОЛЫ № 5**

Сборник «Звёзды в линиях чертежей...» рассказывает о страницах истории отечественной космонавтики, связанных с Донским краем.

В первой части сборника приводятся фрагменты из биографий космонавтов и их личные впечатления и свидетельства.

Вторая часть посвящена легендарной личности – Роберту Людвиговичу Бартини – советскому авиаконструктору, которого Сергей Королёв называл своим учителем.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Звёздные часы планеты.....	
II. Великолепная десятка.....	
1. Монтаж на орбите.....	
2. Казак Эдуард.....	
3. Вся Земля слышала.....	
4. Удивительная гайка.....	
5. Земля – космос – Земля.....	
6. Тринадцатый по счёту.....	

Встречающиеся в тексте понятия и термины поясняются в словаре в конце книги.

Мне приснился шум дождя...

*Вот уж много дней и ночей,
Мы летим, обгоняя вечность...
Звёзды в линиях чертежей,
Уходящие в бесконечность...*

Припев:

*Мне приснился шум дождя
И шаги твои в тумане.
Всё я помню, в небо уходя,
И сказал всему: «До свиданья!»*

*Вот бы встретились нам в пути
Поле наше и в нём берёзка.
Только вне Земли не найти,
Этот русский пейзаж неброский.*

Припев.

*Точка нашего корабля,
В неизвестном летит пространстве.
Я вернусь к тебе, моя Земля,
Чтоб сказать тебе тихо: «Здравствуй...»*

Припев.

Слова Владимира Лазарева,
музыка Евгения Доги.

1. ЗВЁЗДНЫЕ ЧАСЫ ПЛАНЕТЫ

*Как хороша ты,
Звёздная дорога
...Летит Гагарин...
Он устал чуть-чуть...
И перед ним
торжественно и строго
Блестит кремнистый
лермонтовский путь.*

Михаил Светлов

В середине весны третья планета от Солнца – наша Земля – отмечает Всемирный день космонавтики и авиации.

Много в эти апрельские дни говорится добрых слов о межпланетных полётах, о совместных программах развития, о новом слове науки на пути к звёздам – в неведомый заоблачный мир.

Людей всегда манило неизвестное.

Первобытные охотники отважно углублялись в дремучие леса, где на каждом шагу могла ждать гибель от диких зверей...

К неведомым материкам на утлых плотках, связанных из тростника, пускались через бурный океан первые мореходы...

В Древней Греции сложили легенду об отважном юноше Икаре, который хотел узнать: далеко ли до Солнца?

И погиб...

Но мечта о том, чтобы подняться к Солнцу, не погибла.

4 октября 1957 года – 55 лет назад – весь мир затаённо слушал тихое «*бип... бип... бип...*»

Этот сигнал принимал даже обычный коротковолновый радиоприёмник.

А в Советском Союзе все просто лопались от гордости – ведь это мы послали в неизведанные просторы Вселенной ПЕРВЫЙ искусственный спутник нашей планеты!

И мы же потом первыми – запустим в космос живое существо – собаку Лайку.

И мы же потом первыми – сумеем отправить к звёздам человека.

И – что самое главное – не только отправить, но и вернуть живым на Землю.

Хотя, в дальнейшем, получалось не всегда.

Но с той даты – 4 октября 57-го – мечты студента Саратовского индустриального техникума Юры Гагарина приняли совсем иное направление – «*по солнцу*», как скажет потом он сам.

Русский Икар был готов к подвигу. И не собирался погибать!

...12 апреля 1961 года пробили звёздные часы планеты, и всю Вселенную озарила его солнечная улыбка...

- 12 апреля произошло «смещение эпох». Позавтракали люди в одной эпохе, а обедали – уже в другой, - так здорово охарактеризовал это состояние Виталий Севастьянов.

- Где вы его такого нашли? - в один голос удивлялись западные журналисты. - И внешность, и обаяние, и молодость, и стойкость, и эрудиция, и фамилия княжеская... А уж улыбка...

...Улыбка Гагарина...

Где мы его такого нашли?

Кандидатуру Гагарина предложил Королёв. Но решающее слово оставалось за Хрущёвым. Позже внук Никиты Сергеевича рассказывал, как Первый секретарь определял кандидатов в космонавты.

В анкету Нелюбова глянул – поморщился (ну и фамилия!) и отложил сразу.

Про Титова сказал:

- *Что за имя такое нерусское – Герман?*

Ему объяснили: отец любил Пушкина, в честь одного из литературных героев и назвал сына. Но Хрущёв не проникся.

А вот когда глянул на улыбающегося Гагарина и прочитал, что он – внук путиловского рабочего и сын крестьянина, то расцвёл и дал добро. Про княжескую фамилию, видать, не додумал...

Утром перед стартом Юра нашёл на своей тумбочке букет степных тюльпанов. Его принесла горничная Клавдия Андреевна. У пожилой женщины в войну погиб сын, который был лётчиком и очень походил на Гагарина: был *«таким же лобастеньким»*, говорила она.

После успешных запусков спутника и аппаратов «Луна» – воодушевлённые такими супердостижениями – советские инженеры продолжали колдовать над усовершенствованием космических проектов.

Поэтому неудивительно, что в начале 1959 года вопрос о полёте человека в космос обсуждался уже вполне конкретно, вплоть до того, *«а кому лететь?»*

- *Для такого дела,* - сказал Генеральный конструктор, - *лучше всего подготовлены лётчики. И в первую очередь лётчики реактивной истребительной авиации. Лётчик-истребитель – это и есть требуемый универсал. Он летает на одноместном скоростном самолёте. Он и пилот, и штурман, и связист, и бортинженер...*

Точно неизвестно, как проходила работа мандатной комиссии.

Но медики решили, что нужно подобрать:

- молодых,
- абсолютно здоровых,
- опытных (насколько разрешал возраст),
- профессионально перспективных,
- невысоких и худеньких лётчиков-истребителей.

Только при таких характеристиках космонавт мог поместиться в первом космическом корабле «Восток», так как ракета (на которой предстояло лететь), если честно – была спроектирована для отправки ядерной боеголовки в США.

- *Сколько людей вам нужно?* - спросили Генерального конструктора.

- *Много,* - весело ответил Королёв.

- *Но американцы отобрали семь человек...*

- *Американцы отобрали семь человек, а мне нужно много!*

Это заявление было встречено с некоторым замешательством и недоумением.

Надо сказать, что – даже уже после формирования первого отряда космонавтов, и даже, когда отряд этот уже приступил к тренировкам – речь шла о подготовке человека для полёта в космос.

Человека – в единственном числе!

Как рассказывали сами первые космонавты, лишь перед стартом Гагарина – и им самим, и их наставникам – стало ясно, что дело вовсе не в одном полёте, что очень скоро действительно потребуется много космонавтов.

Ограничения Королёва сразу дали большой отсев. Но не только на рост и вес обращали внимание. Частые бронхиты. Ангина. Предрасположенность к гастритам или колитам. В обыденной жизни всё это, конечно, вещи неприятные, но кто же обращает внимание на такие пустяки?

Московские медики обращали. И, увидев отклонение от «абсолютного здоровья», тут же браковали.

Просмотрев медкнижки и отобрав подходящие, беседовали с их владельцами. Интересовались опять-таки здоровьем, успехами, настроением и осторожно заводили разговор о том, что, мол, есть возможность попробовать полетать на новой технике.

Нет, даже не на самолётах, а, скажем, на ракетах. Или, допустим, на спутниках, а?

90 процентов отбираемых лётчиков первым делом спрашивали:

- *А летать на обычных машинах будем?*

Это были ребята, действительно влюблённые в свою профессию, гордящиеся званием военного лётчика.

Примерно трое из десяти отказывались сразу. Отнюдь не от страха.

Просто им нравилась их служба, коллектив, друзья; ясны были и перспективы профессионального и служебного роста, налажен семейный быт – и ломать всё это из-за туманного, неизвестно что обещающего, будущего, они не хотели.

Кстати, это потом станет правилом: кандидат в космонавты мог, не объясняя причины, отказаться от работы – на любом этапе подготовки.

Беседы медиков с лётчиками были разными, но почти во всех непременно возникал вопрос: хорошо, новая техника, ракеты, облёт земного шара – всё это очень интересно, но когда это всё будет?!

Шутка ли сказать: человек в спутнике полетит!

А как оттуда вернуться на Землю? Это ж сколько ещё работы предстоит специалистам?!

Ведь этак будешь жить *«наземным космонавтом»*, пока не состаришься...

Эти лётчики и предположить не могли, что космические корабли уже почти готовы, и до полёта человека в космос оставались не десятилетия, а всего двадцать месяцев!

А время шло. Королёв торопил экспертов. К февралю 1960 года пройти фантастически сложную медкомиссию удалось лишь 20 кандидатам.

И эти кандидаты заслуживает того, чтобы привести список полностью.

Иван Николаевич Аникеев,
Павел Иванович Беляев,
Валентин Васильевич Бондаренко,
Валерий Фёдорович Быковский,
Валентин Степанович Варламов,
Борис Валентинович Волынов,
Юрий Алексеевич Гагарин,
Виктор Васильевич Горбátkо,
Дмитрий Алексеевич Заикин,
Анатолий Яковлевич Карташов,
Владимир Михайлович Комаров,
Алексей Архипович Леонов,
Григорий Григорьевич Нелюбов,
Андрей Григорьевич Николаев,
Павел Романович Попович,
Марс Закирович Рафиков,

Герман Степанович Титов,
Валентин Игнатьевич Филатьев,
Евгений Васильевич Хрунов,
Георгий Степанович Шонин.

Их так и называли: «Первый отряд космонавтов». Через несколько лет во всех статьях и книжках его будут называть «гагаринским».

Но кто в 58-м знал, что в этой двадцатке – будущий первый космонавт нашей планеты, человек, которому суждено было навсегда войти в историю земной цивилизации. Кто мог отгадать его тогда среди ничем не уступающих друг другу молодых весёлых парней?

Их ждала разная судьба. Многие стали – по разным позициям – первыми, записав своё имя в историю мировой космонавтики.

Вписаны такие имена и в историю Ростовской области.

Мало кто из людей, родившихся в СССР, не восхищался Гагариным и его последователями. В XXI веке большинство россиян вроде бы утратили интерес к космосу, а сами орбитальные полёты стали чем-то обыденным.

Что сейчас на звёздных часах в постсоветском пространстве?

Сейчас на эту тему лучше и не заговаривать.

Рассказывают, что столица «государства Байконур» производит впечатление заброшенности.

Всё так же глядит на горожан железный Королёв с центральной площади, но взгляд его почему-то кажется грустным. На улицах заметно меньше военных; а помнится, прежде приходилось шагать по Ленинску, не опуская руки от козырька, – непрерывно отдавать честь встречным офицерам.

Всё так же ходит тепловоз, обслуживающий автономную узкоколейку Байконура, но состав его стал не в пример короче, да и ходит он теперь только до ближайших «обитаемых» площадок.

Байконур для Казахстана бесполезен. Хотя и имеются Аэрокосмическое агентство, Институт космических исследований; но результаты их работы не востребованы, а члены казахстанского отряда космонавтов летают главным образом в мечтах.

У Казахстана нет даже спутника связи, не говоря уж о других полезных спутниках, которые смогли бы выполнять съёмки для нужд экономики.

У России такие спутники есть, но космические снимки стоят бешеных денег – казахам дешевле запустить свой. Однако за годы реформ бывшую советскую республику покинуло более полутора миллиона русских, в их числе ведущие инженеры и учёные: запускать спутники попросту некому.

Всё также можно увидеть со станции «Песчаной» возвышающуюся в степи «девятиэтажку» испытательного стенда, где так и стоит не собранный до конца «Буран» – один из трёх орбитальных планёров, которые готовили в рамках программы «Энергия-Буран».

От дождей у здания провалилась крыша, и арматура порубила космоплан, как капусту.

Программа, на которую ушли миллиарды советских рублей и, которая во многом превосходила американскую «Спейс-Шаттл», сегодня свёрнута.

А ещё один «Буран» – служит в Москве рестораном.

За аренду космодрома Россия платит в валюте. Вдобавок приходится поддерживать на плаву сверхдефицитный бюджет города Байконур, для чего предусматривается особая статья в федеральном бюджете. Поэтому нам выгодней развивать свой Плесецк.

В итоге Байконур приходит в негодность: пустеют рабочие площадки, ржавеют ракетные старты, разъезжаются специалисты.

А ведь когда-то специалистов высшего класса для Байконура готовило наше РАУ!
Но нет сейчас – ни РАУ – Ростовского высшего военного училища имени Митрофана Неделина, ни – авиационного военного Батайского имени Анатолия Серова.

Стране не нужна оборона. Выгоднее всех распустить.

А ведь какие имена!

Маршал Митрофан Иванович Неделин погиб во время взрыва техники на Байконуре.

А Анатолий Серов – это Герой Советского Союза, лётчик, погибший в Великую Отечественную. Звезда советского кино Валентина Серова – его жена.

Сегодня за год – у тех же американцев с просьбой о зачислении в космонавты подают шесть тысяч заявлений, а у нас – только сотню. Не хочется говорить, что мы потеряли нашу молодёжь, но, безусловно, в верхах что-то не так.

Хотя на самом деле космонавты и сейчас – люди особые, и уж точно круче любых киношных супергероев. И, к слову – в других странах мира космо- и астронавты и сегодня пользуются бешеной популярностью.

Так давайте поговорим сегодня о таких особых людях – у нас, на Дону.

В Батайске живёт человек, который когда-то принимал экзамены у курсанта Гагарина.

Это инженер-полковник в отставке Виктор Сергеевич Кислов.

Более четверти века отдал он служению в ракетных войсках стратегического назначения. Участвовал в разработках боевых ракетных комплексов, запусках спутников. Преподавал в нашем РАУ.

А в конце 50-х Виктор Сергеевич был заместителем старшего инженера полка – начальником технико-эксплуатационной части в Оренбургском лётном училище. В его обязанности входила подготовка к полётам и техконтроль за МиГами.

Тогда же в Оренбургском училище постигал лётную науку и будущий космонавт № 1.

Много и других звёздных имён связано с Донским краем. Рассказать обо всех не позволяет формат нашего издания. Поэтому сегодня остановимся на десяти.

На десяти – и одном.

Жил довольно долго в Таганроге человек удивительнейшей судьбы. Или – человек будущего.

Создатель первого в мире самолёта-невидимки.

Советский авиаконструктор Роберт Людвигович Бартини. Или – итальянский барон Роберто Орос ди Бартини

Перед его гением склонял голову сам Сергей Королёв. А другой конструктор, Александр Яковлев, как-то заметил:

- Что это мы тут шумим? У нас же есть Бартини – вот и поручим проблему ему! Уж если он её не решит, значит, она принципиально – не решается...

А десятка – это советские и российские космонавты. Четверо – из того первого, гагаринского, отряда.

Не все летали – опять же, мед. отбор.

Но все – и «наземные», и «надземные» – это честь и гордость Дона.

Иногда честь – трагическая.

Владимир Комаров разбился. Это – первая смерть за право приобщиться к неизведанным просторам Вселенной.

Смерть особенно страшная – Комаров понимал, что это его последние минуты.
В кулуарах очень долго обсуждалось: по счёту-то – тринадцатый, вот и не повезло...

Все, причастные к Дону, космонавты – очень разные.

Анатолий Березовой, к примеру, стал инициатором Российской акции «Колокол Мира в День Земли». Проводится она в Международном Центре Рерихов. В этот день – 22 апреля – в разных странах по традиции звучит такой Колокол, призывая людей Земли ощутить всепланетную общность и приложить усилия к защите мира на планете и сохранению красоты нашего общего дома.

А Василий Горбатко (в энциклопедии «Википедия» указано ударение на букву «а») всегда весело вспоминает о знаменитой хоккейной команде Звёздного городка – космонавты недолго думали над тем, кому быть её капитаном.

Свою команду первый космонавт планеты заводил мастерски. Впрочем, он её и придумал. Были просто игроки – стали «Наши». Именно это слово Юрий Алексеевич написал на свитерах партнёров.

Хоккей в Звёздном закончился после того, как ещё не летавшему Анатолию Филипченко кто-то – чуть ли не сам Гагарин – засветил шайбой в лоб...

А это – мнение одного космонавта о другом.

- Вот если взять Джанибекова, то он в таких экстремальных ситуациях находился. Пять полётов выполнил, и все его полёты были очень серьёзными - говорит Пётр Климук.

И сегодня российские космонавты продолжают удивлять своих иностранных коллег чудесами гравитации.

В отличие от наших, американцы гайки в невесомости закручивать не умеют.

В нашем сборнике – много личных впечатлений от увиденного в иллюминаторе, от ощущения невесомости, от того, что бывает, когда покидаешь борт корабля.

И очень много цитирования.

Странички, посвящённые Эдуарду Буйновскому и Василию Горбатко – это просто одна сплошная цитата, потому что лучше не скажешь.

В нашем сборнике мы не станем касаться личной жизни – очень скупая на эту тему информация. Лишь чуть добавим – в биографии Владимира Джанибекова.

Да и, вообще, информация скупая. Космонавты – не Президент Российской Федерации. И не Примадонна.

Кое-что рассекречено только сейчас. Кое о чём можно только догадываться. А некоторые выводы можно сделать, сопоставляя немногие интервью.

Мы опишем их профессию – с их космического взгляда. Потому что многое мы себе – рядовые обыватели-земляне – просто даже не представляем.

Ну, да. Герои. Ну, да, там – сложно!

Насколько – герои? И насколько – сложно?

Об этом наш рассказ.

Итак, великолепная десятка. По алфавиту.

*

II. ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ДЕСЯТКА

1. Монтаж на орбите

Юбилей.

75 лет со дня рождения.

Анатолий Николаевич Березовой

Пятый набор космонавтов.

Лётчик-космонавт СССР.
Герой Советского Союза.
51-й космонавт СССР / России,
107-й космонавт мира.
Полковник.

Работал токарем
на заводе «Нефтемаш» в Новочеркасске.

Родился 11 апреля 1942 года в посёлке Энем Краснодарского края.

После окончания в 1965 году Качинского высшего военного училища лётчиков, остался там на работу.

С 1967 года – в авиационных частях Одесского военного округа.

В 1970 году зачислен в отряд космонавтов.

Прошёл полный курс общекосмической подготовки и подготовки к полётам на кораблях типа «Союз» и орбитальных станциях «Салют».

В 1977 году окончил Военно-воздушную академию имени Юрия Гагарина.

Готовился к полётам на военной орбитальной станции «Алмаз» и как дублёр.

13 мая 1982 года отправился в космический полёт на корабле «Союз Т-5».

Позывной: «Эльбрус-1».

Совершил выход в открытый космос.

Борт станции посетили две экспедиции: советско-французская и экспедиция корабля «Союз Т-7».

Общая продолжительность пребывания в космосе – 211 дней 9 часов 4 минуты.

В дальнейшем проходил подготовку к космическим полётам по программе «Интеркосмос».

В апреле 1991 года назначен заместителем командира отряда космонавтов.

Отчислен из отряда 31 октября 1992 года по возрасту.

В настоящее время – член бюро президиума Федерации космонавтики России.

Имеет 2-й разряд по акробатике и гимнастике,

2-й разряд по лыжам и 3-й разряд по стрельбе из мелкокалиберной винтовки.

Инициатор Российской акции «Колокол Мира».

Соавтор книги «С думой о Земле» (вместе с Владиславом Горьковым и Леонидом Кизимом).

Увлечения – спорт, работа по дереву, чтение.

Награды.

Орден Ленина.

Медаль «Золотая звезда».

Различные отечественные медали.

Орден «Солнце свободы» (Афганистан).

Высший орден «Кирти Чакра» (Индия)

Орден Почётного легиона (Франция).

Медаль «Российско-киргизская дружба».

Анатолий Березовой родился в самой обычной советской семье – отец Николай Минович работал в совхозе столяром, мать Наталья Яковлевна выращивала там же овощи. И в юные годы на полях трудился и будущий покоритель космоса.

А после окончания средней школы Толику довелось поработать у нас в Новочеркасске. Вот как рассказывает об этом он сам.

- Началось всё с того, что по окончании школы на семейном совете решали мою дальнейшую судьбу. Все старшие сошлись на мнении, что я должен быть инженером, а каким инженером – они не понимали, и я не понимал.

В то лето юноша из Энема поехал поступать в престижный Новочеркасский политехнический институт. Шанс стать студентом был велик: документы у серебряного медалиста Березового приняли легко, да и сам он был уверен в своих силах.

Однако судьба внесла свои коррективы.

- Началась подготовка к вступительным экзаменам, в доме, который был устроен как общежитие, нас было около 15 ребят, приехавших поступать. Я смотрел – все они аж дрожали от волнения, а мне было абсолютно безразлично.

Видимо, я в школе слегка перегорел: с первого класса похвальные грамоты, медаль, и у меня уже не было энтузиазма поступать и снова садиться за парту. Я решил для себя: надо от учёбы отдохнуть, год поработаю, а дальше ясно будет.

Предприятий с вакансиями, где требовались ученики, в Новочеркасске было очень много, но какой смысл принимать парня призывного возраста?

Толик стал брать штурмом:

- Я буду ходить к вам до тех пор, пока вы меня не возьмёте.

Через две недели Березового приняли на «Нефтемаш» учеником токаря. И уже через два месяца ему присвоили четвёртый разряд и дали станок.

А что дальше?

Дальше Анатолий продолжил занятия спортом, который так любит: волейбол, бокс, футбол; занялся самодеятельностью при заводе и пошёл на подготовительные курсы политеха.

И вместе со всей страной увлечённо следил за космическими исследованиями.

12 апреля 1961 года.

- Вдруг, неожиданно, часов в 10 утра, раздался торжествующий голос Юрия Левитана и сообщил всему миру о полёте в космос первого человека.

...Послушал я тогда биографию Юрия Гагарина, почитал в газетах, и понял: я такой же простой парень, и, если Гагарин смог, то я попробую. Я хочу быть космонавтом!

В целеустремленности Анатолия Николаевича можно было не сомневаться, ведь даже дата рождения будущего покорителя космоса приходится на 11 апреля – канун будущего праздника.

- Самое сложное – выбирать в перекрёстках судьбы свою дорогу. Я выбрал авиацию с прицелом на отряд космонавтов. Начал ходить в здравпункт, где мне мерили давление, проверяли лёгкие.

Да что там, я был достаточно развитый, спортивный, а потому и проблем со здоровьем не обнаружилось. Затем в городской военком я подал заявку на поступление в лётное училище, прошёл комиссию, и в августе поехал в Волгоград, где без проблем поступил в Качинское высшее военное училище лётчиков.

Это 1961 год.

А Качинское высшее военное училище лётчиков (ВВАУЛ) носит, кстати, имя нашего земляка – генерала Александра Аствацатуровича (Фёдоровича) Мясникяна (Мясникова) – уроженца Нахичевани-на-Дону.

- После курса молодого бойца были теоретические занятия, а по весне уже прыгали с парашютом. Тогда в первый раз я поднялся на самолёте в воздух...

Ведь цель попасть в отряд космонавтов, это как гора Эльбрус – она очень-очень далеко, сначала до неё дойти надо, а потом покорять.

...Столько всего было на этом пути! Несколько раз было и такое, что я мог вылететь в космос, медицинские показания были в порядке, однако, те или иные обстоятельства препятствовали этому.

Сравнение Анатолием Николаевичем своего полёта с горой Эльбрус вовсе не случайно, и позывной для работы в космосе он выберет по названию этой самой высокой вершины Европы.

- На тот момент нужно было хорошо учиться, научиться летать, «видеть землю» как говорят лётчики.

С этим было сложно, поэтому, когда на втором курсе начались тренировки на лёгких самолётах, из 185-ти студентов каждый четвёртый был отчислен.

А Березовой снова стал одним из лучших, и окончил ВВАУЛ с красным дипломом.

Отличник учёбы мог выбирать место службы, и Анатолий уже думал попросить направление в ГДР или Венгрию, где можно быстро вырасти как специалист. Но не случилось.

Самые лучшие выпускники Качинки, в том числе и Анатолий Березовой, остались в стране. А через два года фортуна повернулась лицом: Березовой попал в строевую часть, и стал командиром авиационного звена в гвардейском истребительном полку под Одессой.

Выяснилось, что на новом месте службы двое лётчиков уже пробовали попасть в отряд космонавтов. В доверительной беседе они признались:

- Не суйся ты туда... там у столько ребят судьбы ломаются... На обследовании находят диагноз и можно уже прощаться с карьерой лётчика, мы еле ноги оттуда унесли.

Безрадостные слова.

Но, когда в 1969 году начался новый отбор в отряд космонавтов, Березовой, конечно, попробовал свои силы: из всей 5-й воздушной армии через окружной госпиталь в Одессе прошло только 40 человек. А из них – для дальнейшего прохождения комиссии – оказался годен только один – капитан Анатолий Березовой.

Как ни парадоксально, но благодаря тому, что Березовой всегда был в лидерах, он не только добивался успеха, но и сталкивался с трудностями.

Например, в 1975 году, уже командиром 3-го экипажа по программе орбитальной станции «Салют», Березовой был переведён на военную программу «Алмаз». Аргумент был следующий:

- На новой программе не хватает лётчиков-космонавтов, а ты – самый лучший.

А в марте 77-го полёт не состоялся, потому что конструкторы снова что-то не поделили, и новая инициированная программа «Интеркосмос» закрыла «Алмаз».

- Если вы поставили себе очень высокую планку, то её надо держать, она опускаться не будет.

Поэтому заветный день настал.

13 мая 1982 года командир экипажа Анатолий Березовой и бортиженер Валентин Лебедев стартовали с Байконура на корабле «Союз Т-5» – к орбитальной станции «Салют-7». Программа полёта была рассчитана на 175 суток.

Экипаж принял грузовой корабль «Прогресс-13».

В окружении перешёптывались: и полетели 13-го, да ещё в мае! И «Прогресс» – 13-й. Как бы чего не случилось, как с Комаровым...

25 июня экипаж Березового и Лебедева принимал гостей – Владимира Джанибекова, Александра Иванчёнкова и француза Жана-Луи Кретьена – это программа «Интеркосмос»

Впервые на борту пилотируемой станции одновременно работало сразу пять космонавтов.

Выполнив научные задачи полёта, экспедиция посещения вернулась на Землю. А хозяева «Салюта-7» приняли новый транспортник «Прогресс-14» – он привёз оборудование для выхода в открытый космос.

30 июля космонавты впервые использовали новые модернизированные скафандры с увеличенным ресурсом работы, а в открытом космосе Березовой и Лебедев провели 2 часа 33 минуты.

Они вывели на орбиту искусственные спутники «Искра-2» и «Искра-3».

А 20 августа экипаж встречал новую экспедицию посещения – прибыли Леонид Попов, Александр Серебров и Светлана Савицкая – вторая советская женщина-космонавт и первая в мире, вышедшая в открытый космос.

После отлёта гостей Анатолий Березовой и Валентин Лебедев выполнили перестыковку «Союза Т-7».

- Первое время в иллюминатор я мог смотреть только урывками – нужно было приводить станцию в пилотируемый вариант. Что это значит? Всё, чем была начинена станция, на Земле было закреплено монтажниками на специальных стойках. Эту аппаратуру нужно было снимать и устанавливать на штатные места возле иллюминаторов, а крепление-то было на болтах и гайках.

Ребята-монтажники, которые всё это собирали на земле, попались крепкие. Они затягивали все крепления специальными ключами: затянул до какого-то момента, а дальше «трещотка» – сигнал – всё, хватит.

А они постарались: «А чтоб не отвернулось...», трещотку снимают, ещё покрепче затягивают, а некоторые болты вообще замазали краской... Начинаешь что-то отворачивать – никак, крутишься вокруг этого болта, а опоры-то нет в невесомости...

Говорю Лебедеву: «Валентин, поддержи меня за ноги». Он где-то закрепляется, хватает меня, а я, приспособив к ключу ещё какой-то рычаг, начинаю эту гайку отворачивать. И нельзя ведь было эти гайки просто отвернуть и бросить, они же потом по станции летают. Приспособились в монтажные пояса складывать, но только замешкался завязать, где-то тряхнул, и всё – вокруг тебя рой болтов и гаек летает.

Вот так мы приводили станцию в пилотируемый вариант.

В конце концов, мы всё это выполнили, и даже больше сделали. Когда прибор снимается с фермы, на которой он был закреплён, ферма уже не нужна на станции. Сломать её невозможно. Хорошо, что кто-то на Земле догадался положить обычную ножовку по металлу. «А давай-ка мы спилим все эти фермы и сложим в грузовой корабль, который потом отойдёт от станции и сгорит в атмосфере, а себе освободим жизненное пространство».

Так и решили, начали пилить, но металлические опилки ведь тоже летают!

Специальных респираторов нет, приспособились кое-как: на глаза – очки, чем-то закрыли нос и рот, чтобы не дышать этими опилками, – короче говоря, справились. И когда ребята первой экспедиции посетили станцию, они были поражены: на Земле тренировались в одном интерьере станции, а когда пришли, здесь оказалось в два раза просторнее.

Вот такие мы были монтажники, нештатные.

Или, как нас называли тут – космические. И должен вам сказать, что мне оченьгодились мои рабочие навыки. Происхождением я из крестьянской семьи, отец работал в колхозе на Куба-

ни столяром и плотником, он и учил меня, как работать и с металлом, и с деревом. А потом после школы я года два работал на заводе.

По плану полёт подходил к концу, но когда ЦУП в очередной раз вышел на связь, космонавтам было предложено продлить время пребывания в космосе до 209 суток.

Работа Березового и Лебедева не вызывала никаких нареканий, просто полёт, проходивший в год 60-летия образования СССР, хотелось ознаменовать новым мировым рекордом – по продолжительности пребывания в космосе.

Анатолий Березовой и Валентин Лебедев вернулись домой 10 декабря.

Условия для посадки были не лучшие: ночь, туман, шёл снег, но всё прошло благополучно.

В дальнейшем Анатолий Николаевич занимался, в основном, подготовкой новой космической смены.

*

2. Казак Эдуард

Эдуард Иванович Буйновский

Второй набор космонавтов.

Опыта космических полётов не имеет.

Слушатель-космонавт.

Полковник.

Родился в городе Новочеркасске.

Окончил Ростовское-на-Дону

высшее артиллерийское инженерное училище.

Родился 26 февраля 1936 года в Новочеркасске.

В 1954 году окончил 2-е Московское артиллерийское подготовительное училище (МАПУ).

В 1958 году окончил Ростовское артиллерийское училище (РВАИУ).

С 18 сентября 1958 года – начальник расчёта аварийного подрыва на Байконуре.

С 9 марта 1959 года – начальник расчёта испытаний в Плесецке.

Участвовал в запуске первого космонавта планеты Юрия Гагарина.

10 января 1963 года зачислен в ЦПК в качестве слушателя-космонавта.

Проходил общекосмическую подготовку.

11 декабря 1964 года отчислен из отряда космонавтов по состоянию здоровья.

Служил в Главном управлении ракетного вооружения.

В 1973 году окончил Академию имени Феликса Дзержинского, имеет степень кандидата технических наук.

Позднее назначен начальником отдела в комплексе многоразового использования «Энергия-Буран»

Главного управления космических средств Министерства обороны СССР.

7 июля 1989 года уволен по возрасту.

С 31 июля 1989 года – начальник отдела Научно-исследовательского центра информатики при Министерстве иностранных дел СССР, а после распада Советского Союза – МИД РФ.

Имеет 2-е разряды по спортивной гимнастике и по парашютному спорту

Судья 1-й категории по спортивной гимнастике.

Автор книг-воспоминаний «Приобщение к космосу», «Как я хотел стать героем», «Повседневная жизнь первых российских ракетчиков и космонавтов».

Награды.

Орден Дружбы народов.

Орден «Знак Почёта».

Различные отечественные медали.

Выдержки из книги «Приобщение к космосу: Записки неслетавшего космонавта».

Так уж получилось, что судьба предоставила мне уникальную возможность быть не только свидетелем, но и активным участником событий, связанных с созданием и первыми пусками отечественных боевых ракет, а затем ракет-носителей и началом в нашей стране работ по освоению космического пространства.

Уже на закате своей деятельности в космической области я принимал самое непосредственное и активное участие в запусках на космодроме Байконур сверхмощного носителя «Энергия» и космического корабля многоразового использования «Буран».

Сегодня организация, где я работаю вот уже много лет (после увольнения из армии), находится рядом с Парком имени Горького, и каждый день я вижу «Буран», но, увы, уже в другом, прямо скажем, обидном для него качестве...

Две исторические вехи – первый и последний дни войны.

А между ними – четыре тяжёлых, полных лишений года. Наша семья здесь не исключение. Жили как все, в холодной, полуголодной Москве. Ночами стояли в очередях за мукой. Мои руки долго ещё с тех времён имели фиолетовые подтёки от трёхзначных номеров, определяющих моё место в этих бесконечных тоскливых очередях.

Где-то в начале 50-х годов наше семейство переехало из Лефортово в уютный и тихий по тем временам район у метро «Сокол», в нашиумевшие хрущёвские новостройки на Новопесчаной улице. Правда, опять коммуналка – четырёхкомнатная квартира на три семьи (один полковник и два подполковника, причём все участники войны!), всего – 10 человек! Но зато – газ, ванная с горячей водой, лифт, телефон.

Фантастика!

Достаточно большая группа выпускников нашего МАПУ была направлена в Ростовское высшее артиллерийское инженерное училище. В эту группу попал и я. Но что это за училище, кого оно готовит, что мы там будем изучать – этого никто из нас не знал. Всё было покрыто завесой неизвестности и таинственности.

Единственно, что успокаивало, так это тот факт, что я еду учиться в места, где я имел удовольствие родиться восемнадцать (по тем временам) лет назад.

Родословная моя вообще-то короткая.

Родился я в исключительно симпатичном, милейшем и патриархальнейшем городе Новочеркасске, который при всём этом гордо считался Столицей донского казачества.

Тихие, утопающие в зелени улочки; уютные, архитектурно красиво выполненные одноэтажные особнячки, где когда-то жила казачья аристократия; прекрасный, со вкусом подобранный музей Донского казачества.

А огромный Собор святого Александра Невского!

Это сейчас у него синие купола.

А были времена, когда блеск его позолоченных куполов можно было видеть чуть ли не из Ростова.

Вот в такой казачьей столице я и родился. Кстати, когда на вопрос – откуда я родом, я с гордостью отвечаю, что я казак с Дона – мне резонно говорят, что на Дону вроде бы Эдуардов сроду и не бывало.

По известным причинам я не смог принять активное участие в выборе мне имени, но в своё время (молодые годы, когда моё имя ассоциировали с другими местами рождения) я провёл частное расследование с целью выяснить причину появления на Дону казака Эдуарда (ну, никак не сочетаются эти два слова!).

В ходе следствия мои родственники в один голос отвечали так: тянули бумажку и почти каждый раз выпадало это неказачье имя. И в свою защиту ещё с ехидцей добавляли – скажи спасибо, что назвали тебя именем английских королей. Ведь на бумажках были и Адольф (в те времена Адольф ходил в наших друзьях), и Рем (революционная молодежь), и Владилен (Владимир Ильич Ленин), и Октябрь (понятно в чью честь), и даже – Пистолет (а это-то в честь кого?!).

Доводы оказались убедительными, обвинение частично было снято, тем более, что к моменту окончания следствия среди моих сослуживцев появился коллега с красочным словосочетанием Рем Егорович Болдырев.

Но я сделал ещё одну попытку – тогда давайте изменим имя на более благозвучное, казачье. Мой безотбойный довод: почему дядя Ваня (муж моей тётки Мары) изменил свою фамилию Кукарека на Невского, а я не могу стать вместо Эдуарда Степаном (читай – Степан Разин)?

На что был (хорошо защищались!) ещё более неубиенный ответ: Степанов много, хоть пруд пруди, а ты на Дону – один. Единственный и неповторимый.

Да! Здесь крыть нечем. И я понял, что казак Эдуард – действительно единственный и действительно неповторимый. Для моих родителей. С этим я и успокоился. Эдуард так Эдуард!

С сентября – я слушатель 2-ого факультета РВАИУ. Я уже знал, что второй факультет выпускает специалистов по системам управления ракет.

Южный город Ростов испокон веков славился двумя вещами: красивыми женщинами и нездоровой, как сейчас принято говорить, криминогенной обстановкой (по-старому – полно жулья, аферистов и хулиганья).

По первому критерию достаточно пройтись летним вечерком по центральному проспекту – Садовой – и не надо никаких комментариев – одна другой краше. Выбирай любую!

По второму критерию Ростов – папа!

И всё-таки, несмотря ни на что, Ростов – красивый, весёлый, широкий и лирический город!

Полигон Тюра-Там образца осени 1958 года – это бескрайняя казахская степь, по которой во всех направлениях гуляет холодный, пронизывающий ветер, когда днём где-нибудь в закуточке можно даже позагорать, а ночью мороз пробирает до косточек.

Резко континентальный климат – в полном его проявлении. На станции – пара чахлах деревцев да десятка два-три глинобитных мазанок, где проживают местные жители – казахи и где полным-полно детворы различной масти и возраста.

Я с товарищами с большим любопытством рассматривал и даже трогал руками наш первый советский спутник Земли. Правда, это был его дублёр, но всё равно было приятно, что вот он рядом с тобой.

Я никак не предполагал, что первый в мире спутник Земли, запуск которого произвёл такой фурор в мире, на деле всего лишь маленький, блестящий шарик диаметром не более метра, с четырьмя длинными усами – антеннами.

Кстати, я долго не мог понять, как же эти пружинные антенны выполняют свои функции, если встречные потоки воздуха прижимают их к корпусу спутника?

Потом мне популярно объяснили, что на тех высотах, где летают эти спутники, никаких встречных потоков нет. Как нет и самой атмосферы.

Вот с такого элементарнейшего ликбеза началось моё приобщение к космосу. Успокаивает и тешит лишь мысль, что это было не где-нибудь, а на полигоне, рядом с первым искусственным спутником нашей планеты.

Тот, кто прошёл через полигон, кто начинал испытывать ракеты и спутники вместе с Сергеем Павловичем Королёвым, тот считался золотым фондом Ракетных войск со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но ведь многие отдали и жизни на этом интересном, но тяжёлом поприще. В конце 1960 года вместе с маршалом Митрофаном Ивановичем Неделиным погибло и много наших ростовчан. К сожалению, такие трагедии на полигоне были не единичны.

Светлая память ребятам.

Плесецк образца поздней осени 1959 года – небольшой провинциальный город со сплошь деревянными постройками.

Мы все работали самоотверженно, с огоньком, с большой самоотдачей.

Контрольный пуск состоялся 17 декабря 1959 года. Через почти 40 лет этот день станет официальным праздником – Днём Ракетных войск стратегического назначения.

Комплексный стенд для нового изделия в упрощённом представлении – большое, светлое помещение, где на элементарных стеллажах аккуратно уложены приборы, опутанные со всех сторон разноцветными проводами, собранными в толстые кабельные жгуты и стволы.

Да и задача, вроде бы, простая – при подаче питания на стенд нужно, чтобы ничего не взорвалось, не загорелось, а чтобы всё это сложнейшее переплетение приборов и кабелей работало в полном соответствии с программой, заложенной разработчиком.

Все разработчики прямо-таки молились на испытателей – работников стенда – и пулей неслись к ним на свидание по первому же их требованию.

Плотно поработав на стенде, смело могу утверждать, что там трудились истинные энтузиасты своего дела, которые, не считаясь со временем и личными интересами, отдавали себя сложной, но очень интересной работе.

Иногда часами, а то и сутками искали ошибки и неполадки в наземном и бортовом оборудовании, радовались, когда находили, злились и ругались, когда не получалось.

Вот был такой казусный случай. Постараюсь рассказать о нём популярно.

Ракета на старте. Идёт набор Готовности.

И вдруг – «минус» на корпусе (электрики знают – корпус ракеты должен быть чист и от «плюса» и от «минуса»).

Причина в нашей системе управления. Пуск отложили, Сергей Павлович со своей командой уехал, а мы остались разбираться с «минусом». Самое неприятное, что дефект самоустраняющийся – то он есть, то вдруг пропадает.

Часов пятнадцать мы не выходили из пультовой, измучили стартовую команду, заставляя то отключать, то подключать на борту ракеты наши приборы, чуть ли ни наощупь проверили все кабельные соединения, а «минус», как будто издеваясь над нами, то пропадёт, то снова объявится.

Обстановка напряжена до предела, а тут ещё Сергей Павлович звонит через каждые полчаса.

Наконец нашли причину, по которой этот злополучный «минус» попадает на корпус ракеты. Стыдно даже было об этом докладывать Королёву!

Боюсь быть нахалом, но, кажется, я первый заметил такую закономерность – бортовой расчёт (по нашей команде из пультовой) отключает или подключает кабельные разъёмы, и когда «минус» вдруг пропадает, кто-то из нас хватается за микрофон и даёт команду на борт – прекратить работы!

Микрофон ставят на стол – «минус» опять на борту!

Никому и в голову не могло прийти, что этот разнесчастный микрофон, который – ну никакого отношения не имеет ни к ракете, ни к её системе управления – имел «минус» на своём корпусе!

Когда кто-то хватал микрофон, чтобы дать команду наверх – всё в норме, а когда микрофон бросают небрежно на стол, он может – по теории вероятности – соприкоснуться с нашими приборами, которые расположены здесь же на столе, и нате вам – «минус» микрофона через нашу наземную аппаратуру снова попадает на борт ракеты!

И ведь так десятки раз!

Над всей площадкой в воздухе витало предчувствие чего-то грандиозного и необычного. Что-то вот-вот должно случиться. А что – мы все, конечно, знали.

Готовится. Запуск. Первого. Человека. В Космос.

И вот – 12 апреля 1961 года!

Я, например, всю значимость этого события прочувствовал в момент, когда Левитан сообщил на весь мир о том, что... впервые в мире... гражданин Советского Союза... майор Юрий Алексеевич Гагарин....

Я даже думал, что я ослышался или диктор ошибся – как же так, пару часов назад в корабль садился старший лейтенант, а на орбите, минуя капитана, он уже майор!

После старта ракеты с Гагариным на борту (кстати, при любом пуске всех жителей площадки эвакуируют в безопасные зоны, при пуске Гагарина этого не было – как гарантия того, что аварий не будет и всё будет нормально) все бросились на узел связи, откуда должны вестись переговоры с космонавтом.

Сергей Павлович начал разговор с Юрием Алексеевичем...

А мы – трое друзей – заходим в мою комнату и сходу распиваем бутылку «Столичной».

Впервые в мире мы сообразили на троих за Первый Полёт Человека в космос!

Но вот наступило 9 июня 1962 года – Эдуард Иванович! Не хотите попробовать себя на космическом поприще?

Разным испытаниям и обследованиям подвергали нас врачи. Одни понятные, типа – хирург, окулист, невропатолог. Другие интриговали своей таинственностью – барокамера на пикирование и барокамера на переносимость гипоксии, вибростенд, центрифуга на переносимость радиальных ускорений...

О моём первом прыжке. С нами вместе прыгали Юрий Гагарин и Павел Беляев. Они навёрстывали упущенное – по каким-то причинам не сумели попрыгать со своим отрядом.

Когда завывала сирена (ну и звук же у неё!), я даже не услышав слов напутствия, с замиранием сердца и с закрытыми глазами вывалился из самолёта!

Через мгновение, когда сознание вернулось ко мне, смотрю – самолёта нет. Я один в голубом небе, что-то надо делать. А ничего не надо было делать. Сработал автомат, меня довольно-таки сильно тряхнуло, и я стал раскачиваться в стропях парашюта.

Спокойно!!! Спокойно!!! - заорал я сам себе и парашюту. Впрочем, это я думаю, что заорал, по-моему, эту решительную фразу я произнес шёпотом – осипшим от страха голосом.

Всё. Я на земле. Жив...

Через 5 минут я уже докладывал начальству, что старший лейтенант Буйновский совершил свой первый парашютный прыжок!

Не дав опомниться, на нас надели новые парашюты и вновь посадили в самолёт...

1987 год. Меня назначают начальником заказывающего отдела по ракетно-космическому комплексу многоразового использования «Энергия-Буран». Почётнейшая должность!

Уму непостижимо! «Буран» – планёр, без двигателя, без человека (!) на борту.

И вот эта умница с помощью своих бортовых вычислительных комплексов определила силу и скорость ветра, поняла, что с таким встречным ветром садиться опасно и моментально просчитала (без помощи с Земли!) новую траекторию, развернувшись при этом на 180 градусов – что и испугало, и озадачило самолёты сопровождения.

Конечно же, умница не сам корабль, а те люди, которые его создали!

Это надо видеть только своими глазами, как эта огромная машина плавно приближается к земле и почти нежно касается своими шасси бетона посадочной полосы.

Бурными были те 10 лет!

Горбачёв, перестройка, разгул демократии, как грибы после дождя, появляются новые партии, разворовывание новыми русскими народного достояния...

Кстати, за этот период поменялось семь (!) министров иностранных дел, и это при том, что за всю Советскую власть их было всего тринадцать!

Прошло уже много лет после тех событий, но я до сих пор с болью в сердце воспринимаю всё то, что происходило тогда вокруг Байконура, да и нашей космонавтики в целом.

Уже и пару революций мы пережили, и Горбачёв сошёл со сцены, и, что самое главное, Союз распался и наша гордость – космодром Байконур отошёл к другой стране.

А в теперешнее трудное время, не только биографии нелетавших космонавтов, да и сам-то космос никому по большому счёту и не нужен...

*

3. Вся Земля слышала...

Василий Васильевич Горбáтко

Первый набор космонавтов.

Лётчик-космонавт СССР.
Дважды Герой Советского Союза.
21-й космонавт СССР / России,
44-й космонавт мира.
Генерал-майор.

Окончил Батайское военное
авиационное училище лётчиков имени Анатолия Серова.

Родился 3 декабря 1934 года в посёлке Венцы-Заря Краснодарского края.
В 1953 году окончил Павлоградскую школу первоначального обучения лётчиков, в 1956 году – Батайское училище лётчиков.
Служил в ВВС.
В отряд космонавтов зачислен в 1960 году.
Готовился в качестве дублёра, в частности, Алексея Леонова по программе выхода в открытый космос.
Позднее готовился по советской Лунной программе.
В 1968 году окончил Военно-воздушную инженерную академию имени Николая Жуковского, с 1987 года – начальник одного из факультетов.
С 12 по 17 октября 1969 года совершил первый космический полёт на корабле «Союз-7» (4 суток 22 часа 40 минут).
Проходил подготовку к полётам на станции «Алмаз».
Второй космический полёт – с 7 по 25 февраля 1977 года на корабле «Союз-24» (17 суток 17 часов 26 минут).
Работал на борту станции «Салют-5».
Готовился по программе «Интеркосмос».
Третий полёт с 23 по 31 июля 1980 года на кораблях «Союз-36», «Союз-37» и орбитальной станции «Салют-6» (7 суток 20 часов 42 минуты).
Позывные: «Буран-3», «Терек-1».
В 1982 году покинул отряд космонавтов, но продолжал работать в Центре подготовки космонавтов имени Юрия Гагарина.
Член Верховного Совета СССР.
Член президиума Федерации космонавтики России.
Служил первым заместителем председателя Спортивного комитета по международным спортивным связям и председателем бюро Спортивного комитета дружественных армий.
Председатель Центрального правления Общества советско-монгольской дружбы.
Президент Союза филателистов России.
Председатель Межгосударственного союза Городов-героев и Городов воинской славы.
Чемпион Звёздного городка по шахматам и теннису.
Увлечения: филателия, теннис, охота, рыбалка, история космонавтики, литература, кино.

Награды.
Три ордена Ленина.
Две медали «Золотая звезда».
Орден Красной Звезды.
Орден Дружбы.
Медаль «Золотая звезда» Героя и орден Сухэ-Батора (Монголия).
Медаль «Золотая звезда» Героя Труда и орден Хо Ши Мина I степени (Вьетнам).
Различные отечественные и зарубежные ордена и медали.
Награды общественных организаций:
Орден Петра Великого (Общественная организация «Лучшие менеджеры новой эпохи»).

Почётный гражданин городов: Калуга, Гагарин, Краснодар, Армавир, Терек (Россия), Тирасполь (Молдавия), Караганда, Аркалык, Кустанай (Казахстан), Смолян, Сливен (Болгария), Чойбалсан (Монголия).
7 ноября 2003 года в городе Новокубанске (Краснодарский край) ему открыт памятник.

Василий Горбатко родился 3 декабря 1934 года в посёлке Венцы-Заря Краснодарского края. Отец, Василий Павлович, работал там фельдшером-ветеринаром на конезаводе «Восход», а мать Матрёна Александровна была колхозницей. Семья большая – у Васи ещё был брат и три сестры.

- Я был четвёртым ребёнком. В семье всем заправляла мама. Учила честности. Днём я сторожил совхозный сад, а ночью воровал из него яблоки. Мама узнала и заставила всё вернуть. К труду приучала. Я с третьего класса распахивал землю для виноградников, косил траву, возил зерно на ток, кроликов держали.

Однажды во время войны, когда я был ещё ребёнком, – жили мы тогда при конном заводе, это была оккупированная немцами территория, – я своими детскими глазами видел, как фашистский лётчик расстреливал табун лошадей.

Это была даже не кавалерия. Просто мирно паслись лошади. И немецкий лётчик это прекрасно видел и понимал, но, несмотря на это, буквально наслаждался убийством. И вот с тех пор у меня была одна мечта – стать лётчиком, чтобы защищать мирное небо нашей страны – великого тогда Советского Союза.

Так что, профессию я выбрал не случайно. Прежде всего, чтобы мстить тем, кто нарушает мирную жизнь и портит красоту нашей Земли.

Но о космосе даже не мечтал. А после окончания школы по комсомольской путёвке был направлен в школу первоначального обучения лётчиков, а затем в Батайское истребительное училище.

Кстати, Василий попал в одну эскадрилью с Евгением Хруновым.

- Служил там, где никто не хотел – в молдавском посёлке Макулешты. Оттуда и был направлен в Москву на комиссию. Там мне предложили летать выше, чем современные самолёты. Например, на высоте 100 км. Я согласился.

С Юрой Гагариным жили в одной палате, когда проходили медобследование. Молодые были, беспокойные. Собирались, шутили, шумели. Словом, нарушали режим. Нас даже как-то предупредили: не притихнете, выгоним!

- Научился управлять вертолётom. Совершил уйму парашютных прыжков. Вращался на немецкой центрифуге и прыгал с самолёта «Боинг-777», чтобы провести необходимые тренировки в состоянии невесомости. Привыкнуть к невесомости очень нелегко, хотя будущие космонавты знакомятся с ней на тренировках в летающей лаборатории.

Когда готовились к первому выходу в открытый космос, во время тренировки чуть не задохнулся в скафандре из-за того, что кислородный шланг перегнулся.

А когда формировали экипажи на «Союз-6», «Союз-7» и «Союз-8», на парашютной тренировке я неудачно приземлился и сломал лодыжку. Обидно было очень, тем более что прыжков этих за последнее время я совершил уже более 120.

Выручил командир отряда: он заверил врачей, что я обязательно поправлюсь, и меня включили в экипаж «Союза-7» в качестве инженера-исследователя. Так я начал тренироваться ещё с за гипсованной ногой.

Гагарин первым облетел Землю, Леонов первым вышел в открытый космос. А я первый наладчик «почтовой» связи: передавал в центр управления полётами данные с «другой стороны Земли».

Первый раз я полетел в космос 12 октября 1969 года на пилотируемом космическом корабле «Союз-7». С Анатолием Филипченко и Владиславом Волковым. Целью полёта была стыковка с кораблём «Союз-8» и «обменный» переход космонавтов.

Однако из-за отказа электронной системы автоматической стыковки «Игла» задача не была выполнена. Попытка ручной стыковки завершилась неудачно. Пришлось экстренно расходиться.

И слава богу! Когда на огромной скорости наши корабли промчались друг мимо друга, мы поняли: всё могло разнести в пыль...

Выполнили остальную программу и пошли на посадку.

При первом полёте в космос были интерес и сильная головная боль. Невероятные нагрузки: невесомость уродует лица – растягивает их, делает «квадратными» и опухшими.

А ещё – восторг от красоты Земли и звёзд.

Запоминается и стремительное чередование космических «дней» и «ночей» – летишь ведь попеременно то над освещённой, то над тёмной стороной планеты. Освещённая сторона по цвету напоминает утреннее безоблачное небо.

Земля из космоса невероятно красивая. Она – действительно голубая... Но не менее красив и сам космос. Хотя, иногда – даже отталкивает.

Если находиться на орбите Земли, на теневой стороне планеты, то перед глазами раскрывается бесконечное величественное звёздное небо. Картина настолько грандиозная – дух захватывает!

А вот если смотреть в космос с дневной, освещённой Солнцем стороны Земли, то зрелище, признаюсь, малопривлекательное. Я бы даже сказал, невзрачное. Такое ощущение, что всё пространство покрыто грязным туманом. Звёзд не видно, разве что различимы некоторые планеты...

Мрак, пустота, бездонное пространство – так и чувствуешь на себе его ледяное дыхание. Только звёзды спасают. Смотришь на причудливые узоры созвездий и осознаёшь – во Вселенной мы не одни.

Любопытно, что, хотя ночная сторона Земли тоже чёрная, эта тьма не кажется злоеющей; она приятна и согревает душу...

Сам я НЛО не видел. К досужим разговорам об инопланетянах, которые якобы наблюдают за нами, я отношусь отрицательно. Бесспорно, жизнь есть не только на Земле, но против факта не пойдёшь – ни мы, ни американские астронавты пока не встречались с инопланетянами или их зондами.

В 1977 году на Авиационном салоне в Париже я между делом спросил Томаса Стаффорда: «Правда ли, что ваши коллеги видели каких-то там «зелёных человечков»?» Он ответил вопросом: «А ваши?» – «Никого!» – «И наши никого!»

Хотя, конечно, какие-то явления есть.

Второй раз я отправился в космос в 1977 году с замечательным парнем Юрием Глазковым, которого я очень любил и уважал.

И был такой случай.

На орбите мы занимались текущими работами на станции, и вдруг нас потряс очень сильный удар. Удар был такой силы и так нас напугал, что мы моментально оказались рядом с узлами жизнеобеспечения – Юра у узлов подачи воздуха, а я у пульта управления.

После приземления я доложил Владимиру Челолею – главному конструктору – об этом происшествии, на что он посоветовал мне молчать и не докладывать на Госкомиссии.

Что это было, я не знаю. Может быть, просто метеорит, но почему он не пробил обшивку и даже не повредил её? Я не знаю.

А станцию «Салют-5», к которой мы тогда летели, называли «отравленной». Нам предстояло определить, так ли это в действительности.

Дело в том, что экипаж Воынова и Жолобова не выполнил до конца программу и совершил досрочную посадку. Как я потом понял, у ребят случился психологический срыв.

После этого происшествия на станцию полетели Вячеслав Зудов и Валерий Рождественский, но они не смогли с ней состыковаться. Кроме того, они незапланированно сели в озеро Тенгиз.

Словом, сплошные неудачи!

И вот в такой нервной обстановке мы полетели в космос, чтобы, во-первых, произвести стыковку со станцией, во-вторых, проверить, не отравленная ли она, и, если всё хорошо, выполнить программу полёта.

Станцию мы реабилитировали, но обстановка была нервной.

Стыковались ночью, забыли снять фильтры с прожекторов. К тому же один из приборов, определяющих скорость, стал некорректно работать.

Что делать? Чему верить – глазам или прибору? Решили зависнуть на 70 метрах, выключить приборы и идти на стыковку с визуальным контролем.

Сказать, что напряжение было огромным – ничего не сказать.

Потом мне сказали: «Ты так выдохнул, что вся Земля слышала...»

А ведь впереди было ещё одно задание – проверить воздух в станции. Юра Глазков поплыл в станцию с индикаторными трубками, а я, находясь на корабле, начал принюхиваться, чтобы по запаху определить, нормальный воздух на станции или нет.

Один раз вдохнул, второй – вроде бы ничего. Решился: поплыл в станцию, подплываю к Юре и говорю, чтобы он снимал спецпротивогаз. А потом и индикаторные трубки показали, что всё хорошо...

Но на этом неприятности не закончились. Когда программа полёта была завершена, и мы уже находились в спускаемом аппарате, нас вызывает Владимир Шаталов и, не объясняя причины, сообщает, что необходимо вернуться на станцию. Мы сразу начали строить различные предположения – в частности, о неисправности корабля. Но оказалось, что в это время погода в Казахстане испортилась, и посадку перенесли на сутки.

Но и это ещё не все!

Когда приземлились, спусковой аппарат лёг на бок и придавил ленточную антенну, не давая ей раскрыться.

А Юра Глазков перед посадкой радостно воскликнул: «Командир, все проблемы позади! Считай, мы уже дома!» Я отвернулся к иллюминатору, чтобы он не увидел моего лица. Я-то хорошо знал, что Земля встречает космонавтов не только цветами.

И что же? Нас целый час не могли найти, связь пропала. Мы начали замерзать, решили вернуться в спускаемый аппарат, но силы были на исходе. Юра хочет войти, да не может – не привык ещё к земной тяжести. И понимает, что проблемы-то только начинаются...

Я опустился на колени, чтобы помочь Юре, и тут увидел прижатую антенну, поправил. Как только подали сигнал поисковику, нас сразу подобрали.

Из всех полётов этот был для меня самым рабочим. Некогда было даже воспользоваться бегущей дорожкой. И потом, на Земле, это сказалося: чувствовали себя неважно. Казалось, будто три или четыре человека каждый день на себе носил.

А я всегда верил, что всё закончится благополучно. Вера даёт определённый настрой, который определяет внутреннюю гармонию. Если её не будет, то возможен психологический срыв – и тогда, считай, всё пропало.

Третий полёт – с вьетнамским космонавтом-исследователем Фам Туаном.

В общей сложности я налетал в космосе 30 суток 12 часов 48 минут 21 секунду. В СССР трижды летали в космос только Быковский и я.

А Лунную программу закрыли. Предположительно из-за того, что согласно расчётной траектории движения корабля, посадка на Землю должна была произойти в одном из районов Индийского океана. Но тогда не приводнялись... При желании, наверное, можно было справиться с этой задачей, но, по-видимому, руководство решило не рисковать.

Луна поддалась пока лишь американцам.

А мне до сих пор снится, как я собираюсь высадиться на Луну.

Что дал космос?

Понимание, что Земля не такая уж большая, что жизнь бесценна.

Что отнял космос?

Наверное, здоровье...

За первые два полёта получил по «Волге» и 5000 рублей, за третий – только деньги.

*

4. Удивительная гайка

Юбилей.

70 лет со дня рождения.

Владимир Александрович Джанибеков

Пятый набор космонавтов.

Лётчик-космонавт СССР.
Дважды Герой Советского Союза
43-й космонавт СССР / России,
86-й космонавт мира.
Генерал-майор.
Член Союза художников.

Провёл детство в станице Егорлыкской
Ростовской области.

Служил в Таганрогском
Краснознамённом штурмовом авиационном полку.

Родился 13 мая 1942 года в селе Искандер Казахской ССР (ныне – Узбекистан)

В 1953 - 58 годах учился в Ташкентском Суворовском училище Пограничных войск.

В 1961 году сдал экзамены в Ейское высшее военное училище лётчиков и в 65-м окончил его с отличием, служил в ВВС.

В отряде космонавтов с 1970 года.

В рамках общекосмической подготовки обучался по программе МАИ.

Был в составе дублирующего экипажа «Союз-Аполлон», работал над программами «Спираль» и «Энергия-Буран».

С 1976 года – командир группы международных космических программ.

Совершил пять полётов в космос как командир корабля – мировой рекорд (до развала СССР).

Общая продолжительность – 145 суток 15 часов 58 минут.

Во время четвёртого и пятого рейсов выходил в открытый космос.

Позывной: «Памир-1».

Открыл эффект невесомости, названный его именем.

Имеет квалификацию офицера-водолаза.

В 1986 году отчислен из отряда космонавтов в связи с назначением на должность заместителя начальника (а потом, и начальника) Центра подготовки космонавтов имени Юрия Гагарина.

До 2002 года работал в Международном научно-техническом центре полезных нагрузок космических объектов.

Президент Ассоциации музеев космонавтики России.

Баллотировался на выборах в Государственную Думу РФ.

Профессор-консультант Томского государственного университета.

Председатель совета директоров Федерального фонда экологических технологий.

Возглавляет фонд «Дети XXI века».

Курирует создание в Москве Культурно-делового центра имени Юрия Гагарина.

Президент попечительского совета Общества дружбы с Непалом.

Занесён в Книгу спортивных достижений Узбекистана как чемпион по штанге среди юниоров в полутяжёлом весе.

Увлечения: изобразительное искусство, литература, радиолюбительство, физика, астрономия, фотография, воздухоплавание.

Награды.

Пять орденов Ленина.

Две медали «Золотая звезда».

Орден Красной Звезды.

Орден Дружбы.

Орден Сухэ-Батора (Монголия).

Орден Почётного легиона (Франция).

Орден Государственного Знамени (Венгрия).

Различные отечественные и зарубежные медали.

Его именем названа малая планета № 3170.

Почётный гражданин городов Гагарин, Калуга, Черкесск (Россия), Аркалык, Джезказган, Ленинск, Газалкент (Казахстан), Хьюстон (США), Улан-Батор (Монголия).

Почётный гражданин станицы Егорлыкская.

В Ташкенте в 1984 году установлен бюст героя.

У русского космонавта Владимира восточная фамилия – Джанибеков.

Родителей звали Александр Архипович и Евдокия Фёдоровна – подполковник запаса в пожарной охране и медсестра – соответственно.

По фамилии Крысины.

Крысиным был и их сын Володя. Пока не собрался регистрировать брак с очаровательной Лилией – это первая супруга будущего покорителя космоса.

А родословная Лилии Мунировны, как выяснилось, ведёт своё начало от одного из властителей Золотой Орды – Джанибека, сына легендарного Узбек-хана. В XIX веке джанибековы потомки стали просвещенцами, основателями ногайской письменности и литературы.

А к середине века XX, Мунир Джанибеков (как отец двух дочерей) оказался – по мужской линии – в этой династии последним.

На семейном совете пришли к соглашению, чтобы Владимир, которого Мунир-ага считал своим сыном, взял фамилию невесты. Так род ханов Джанибековых не прервался. Тем более, что фамилия жениха особой благозвучностью не отличалась...

Забегая вперёд, отметим, что у Владимира и Лилии сына не будет, появятся две дочки – Инна и Ольга. Но внуки – Джанибековы!

Но это всё будет позднее.

Отец отвечал за противопожарную и техническую безопасность строительства гидротехнических сооружений в разных точках Советского Союза. Вместе со стройками перемещалась и семья. В конце концов, оказались в Ташкенте, в спецчасти при текстильном комбинате. Но главу семьи видели по-прежнему редко. Выезды по тревоге случались иной раз до 10 раз за сутки.

Мама едва успевала приводить в порядок отцовскую одежду.

- Она была классная портниха, к ней стремились попасть, а ещё художник, великолепно вышивала и хорошо пела. На её плечах, собственно, мы и выжили. Царствие ей небесное, - вспоминает Владимир Александрович.

Учился Володя легко. Но начались болезни, а с ними и проблемы. Ну что это за мальчишка, если он не может бегать и прыгать наравне со всеми? Только через много лет выяснилось, что мешал врождённый дефект на ноге.

На лето его отправляли к родственникам в Егорлыкскую – подышать здоровым донским воздухом.

Что помогло ему не сломаться, не превратиться в покорного, безвольного слабака? На этот вопрос Владимир Александрович отвечает твёрдо:

- Суворовское училище. Меня часто дразнили и поколачивали. Но я должен был справиться сам и стать человеком... Но тут уж начинаешь делать сам себя – и это борьба не на жизнь, а на смерть.

Первые два года были каторгой. На физподготовке старшие ребята буквально тащили его за руки. А потом он уже никому не уступал – получил 3-й разряд как штангист, 2-й по фехтованию, даже выступал на республиканских соревнованиях.

А в 1960 году, во время хрущёвского сокращения армии, училище расформировали. Две роты – 10-11 классы – решили выпустить ускоренно. Курсанты подали заявки в авиационные училища, но разнарядок не оказался. А как хотелось стать лётчиком-испытателем!..

Владимир поступил на физфак Ленинградского университета.

Но даже Северная столица не заглушила желания летать – через год он поступает в Ейское училище.

- А дальше – полёт Гагарина, и все сомнения исчезли. Мама ещё раньше спрашивала, ты кем будешь, сынок? Я говорю – астролётчиком, это ещё до окончания Суворовского, а мама – медработник, соответственно смотрит очень внимательно. Там с головой всё нормально?

- Мы как-то сразу залетали и почувствовали себя лётчиками. Первый самостоятельный полёт на боевом МиГ-17 – на втором курсе, в свой день рождения.

1963 год – Карибский кризис в разгаре. И нам, ещё не имевшим представления о боевом применении самолёта, уже ставили пусть скромную, но боевую задачу: в случае тревоги перегнать самолёты на другую точку. Полигоны, стрельбы, полёты строем. Годовой налёт – более 80 часов. Нынешние лётчики такого не имеют.

О космосе Владимир Джанибеков, выпускник Ташкентского Суворовского и Ейского авиационного училища, не просто мечтал, а шаг за шагом упорно шёл к своей цели. И по окончании лётного – остался там работать инструктором.

А потом довелось полетать на штурмовике у нас в Таганроге.

В 1969 году в часть прилетел с комиссией Герман Степанович Титов – для выявления желающих немного изменить профессию. Из нескольких сотен пилотов отобрали восемь человек, в том числе Березового, Романенко, Попова и Джанибекова.

На медкомиссии оказалось, что вес Владимира на восемь с половиной килограммов больше, чем надо. За неделю голодовки – избавился. По остальным пунктам проблем не было, и через год – он в отряд космонавтов.

Программа «Спираль», затем «Союз-Аполлон». Очень пригодилось знание английского. Дважды побывал в Америке. Но воспоминания остались не очень приятные: постоянная и откровенная слезка, вскрытие чемоданов, в хьюстонском офисе NASA плакаты «*Осторожно, русские идут!*»

На тренажёре «Аполлона» Джанибеков состыковался с первого раза, и не уступил астронавтам по экономии топлива.

Потом в ЦУПе готовили новые рабочие места под ЭПАС (первый международный полёт со стыковкой советского «Союза» и американского «Аполлона»), проводили тренировки.

«Союз-19» стартовал с неисправностью в системе телевидения, а на Земле пытались понять, как её починить. Джанибекову пришлось поломать голову на стенде корабля, но в результате Леонов и Кубасов получили методику ремонта системы.

После стыковки на орбите отдохнули, и вперёд – изучать станцию!

В звёздном отряде его называют самым опытным космонавтом Советского Союза. На счету у Джанибекова четыре коротких, но непростых полёта и один – очень долгий и очень сложный.

Пять космических рейсов. И все пять – командиром корабля.

Это непревзойдённый пока мировой рекорд.

Повторил его один лишь Джеймс Уэзерби – но в шестом полёте, поскольку в первом он не был командиром. Больше число полётов среди отечественных космонавтов (шесть) совершил один Сергей Крикалёв, но уже в России, через 17 лет после Джанибекова.

А ещё – он командир самой первой экспедиции посещения орбитальной станции, на «Союзе-27» к «Салюту-6».

В своём пятом рейсе, с 6 июня по 26 сентября 1985 года, Джанибеков ещё раз подтвердил, что для него невыполнимых задач нет. Вместе с космонавтом Виктором Савиных они вернули к жизни замёрзшую ДОС «Салют-7».

Продолжительность этого полёта – 115 суток. В техническом отношении – считается самым сложным в истории мировой космонавтики.

После сбоя основного оборудования командной радиолинии, сбоя по питанию и выдачи неверных команд из ЦУПа, станция «Салют-7» перешла в полностью неуправляемый режим.

Отправлялись на «Союзе Т», под № 13 – опять все поминали Комарова...

Провести манёвр и пристыковаться к станции на таком корабле, в общем-то, почти невозможно.

- Мы с Джанибековым отправились искать «Салют-7» на корабле «Союз-13». Все говорили, станция непонятно где, да ещё корабль 13-й... Но мы станцию нашли и починили её, - рассказывал Виктор Савиных

Мало кто верил, что космонавты вдохнут жизнь в ледяной агрегат. Тем более, что работать приходилось в шапках и при минусовой температуре.

Но экипаж всё восстановил – выполнив стыковку с абсолютно неработоспособной станцией.

По ходу пришлось – на пять часов – выйти из «Союза».

Но Джан, как зовут его друзья, не любит рассказывать о своём подвиге и скромно поясняет:

- Я всё умею делать. И когда говорят про спасение седьмого «Салюта», отвечаю, что ситуация совершенно нормальная. В собственном гараже без запчастей и моральной поддержки починить машину гораздо труднее. Так что, не так страшен чёрт, как его малюют.

А ведь тогда же командир корабля неожиданно сделал открытие, которое в честь него и назвали: «эффект Джанибекова».

Владимир Александрович первым заметил, что ось вращения тела в невесомости (конкретно, гайка) может периодически самопроизвольно переворачиваться на 180 градусов. Без каких-либо внешних воздействий!

Эта вертлявая джанибековская гайка вызвала удивление и, одновременно, опасение у некоторой части научного мира. Появилась даже гипотеза, что точно так – на своём очередном витке по орбите – может совершить кувырок и наша планета.

На 10 лет «эффект Джанибекова» засекретили – на всякий случай.

Но открытие Владимира Александровича послужило толчком к развитию квантовых исследований макромира.

За успешное выполнение задач этого полёта второй пилот Виктор Савиных получил вторую Звезду Героя. А вот командиру Горбачёв Звезду не дал – трижды Героев среди космонавтов, видимо, быть не должно... Правда повысили в звании – Джанибеков стал генерал-майором.

Зато страна признала его как художника. Владимир Александрович – замечательный живописец и график. Это давно стало частью жизни.

В космосе, правда, было не до рисования:

- Ответственная работа, большая нагрузка на организм, на психику. Недосыпы, постоянная тревога, потому что срабатывает то одно, то другое, случается несанкционированное прохождение команд. А для занятий нужно настроение.

Первые уроки были получены ещё в Суворовском. В авиаучилище и в отряде космонавтов был художником-оформителем.

Когда из увлечения рисование переросло в профессию, он и сам не знает, называет его «*тихими радостями дилетанта*».

Главная тема, естественно, – «Человек. Земля. Вселенная».

- От вида Земли в иллюминаторе невозможно оторваться. До сих пор не могу забыть тот первый восход солнца! Я ощущал себя счастливейшим человеком! И каждый полёт – это восторг: опять я здесь! Невесомость интересна, она доставляет огромное удовольствие.

Его работы украшают многие коллекции России, США, Германии, Узбекистана, Украины.

А по ряду эскизов в СССР и США выпущены почтовые блоки марок, посвящённые знаменательным событиям в истории космонавтики.

И напоследок.

В Соединённых Штатах генерал-майор Джанибеков прошёл необходимую подготовку и сдал экзамены на сертификат пилота аппаратов легче воздуха с допуском к испытательным полётам.

А в начале 90-х предпринял несколько попыток совершить кругосветный беспосадочный перелёт на воздушном шаре в составе американо-российского экипажа.

Этой формулы нет в учебниках, но без неё не решить ни одной задачи в жизни. Сомневайся, что все острова, звёзды и законы уже открыты. И верь, что тебе предстоит их открыть.

Владимир Джанибеков.

*

5. Земля – космос – Земля.

Юбилей.

80 лет со дня рождения.

Дмитрий Алексеевич Заикин

Первый набор космонавтов.

Опыта космических полётов не имеет.

Космонавт-испытатель.

Полковник.

Родился в селе Екатериновка

Сальского района.

Окончил 10-ю Ростовскую спецшколу ВВС.

Родился 29 апреля 1932 года в селе Екатериновка.

В 48-м окончил 7-летку в посёлке коневодческого совхоза имени Михаила Фрунзе.

В 51-м получил аттестат об окончании Ростовской спецшколы ВВС.

В 1955 году окончил Фрунзенское высшее авиационное училище лётчиков.

Служил в истребительной авиации в различных военных округах Советского Союза.

25 марта 1960 года зачислен на должность слушателей-космонавтов.

Прошёл общекосмическую подготовку.

Готовился в качестве командира экипажа кораблей «Восток» и «Восход».

Окончил Академию имени Николая Жуковского.

Инструктор парашютно-десантной подготовки.

В 1969 году покинул отряд космонавтов по состоянию здоровья.

Служил ведущим инженером по подготовке космонавтов и заместителем командира отряда слушателей-космонавтов 1-го НИИ ЦПК.

Занимался подготовкой космонавтов к техническим и технологическим экспериментам.

27 августа 1987 года уволен в запас по возрасту.

Имеет 2-й разряд по гимнастике.

Увлечения: работа по дереву.

Награды:

Орден Красной Звезды.

Различные отечественные медали.

Начало первого набора можно отнести к 1958 году, когда в Институте авиационной медицины были начаты работы по двум темам:

- Тема № 5827 «Отбор человека для полёта в космос».

- Тема № 5828 «Подготовка человека к 1-му космическому полёту».

Принимались в расчёт не только результаты медицинских и психологических тестов; но и просто характер, темперамент, общительность, отношение к товарищам, поведение в быту – короче, учитывалось всё, что поддавалось учёту.

Всё, кроме досадных случайностей.

После первой же тренировки на центрифуге у Анатолия Карташова появились подкожные кровоизлияния. Это было неожиданностью: красавец Анатолий олицетворял атлетизм. Но приговор медиков был неумолим.

Беспечность выбила из группы и другого кандидата. Однажды космонавты приехали поплавать и позагорать на Медвежьих озёра. Валентин Варламов решил прыгнуть в воду прямо с берега. В итоге – серьёзное повреждение шейных позвонков.

Иван Аникеев, Григорий Нелюбов и Валентин Филатьев – приказом Главкома были отчислены «за нарушение воинской дисциплины и режима космонавтов». С Нелюбовым – ситуация вообще

до конца не понятная – принести извинения он тогда отказался; а 18 февраля 1966 года был сбит поездом (версия – бросился сам).

А Марса Рафикова, постоянно подчёркивавшего, что из-за «космического» имени он просто обязан стать космонавтом и побывать на Красной планете, вынудили покинуть отряд личные мотивы.

И самым страшным стало 23 марта 1961 года. В этот день в сурдобарокамере получил смертельные ожоги Валентин Бондаренко.

Пожар возник из-за ватного тампона, случайно попавшего на спираль электроплиты. Немедленная эвакуация была невозможна из-за перепада давления.

Когда парня вытащили, он был ещё в сознании и всё время повторял: *«Никого не вините, я сам виноват»*. Восемь часов врачи Боткинской больницы боролись за его жизнь, но спасти Валентина не удалось.

Дольше всех в первом отряде космонавтов находился выполнивший два полёта Борис Волинов. Зачисленный в отряд 7 марта 1960 года, он ушёл 30 мая 1990 года – просто по возрасту. Космический стаж – 30 лет.

В конце концов, обстоятельства сформировали первую четвёрку кандидатов на полёт. В неё вошли Юрий Гагарин, Андриян Николаев, Павел Попович и Герман Титов.

Все они в разное время вышли на старт и увидели нашу планету с борта космического корабля.

И проблемы со здоровьем не позволили пополнить список космонавтов СССР Дмитрию Заикину.

Он родился 29 апреля 1932 года в селе Екатериновка у нас на Дону. Это – Сальские степи.

Отец Алексей Гаврилович сложил голову под Сталинградом.

А справляться с послевоенными тяготами, день и ночь пропадающей на колхозных полях его маме, Зинаиде Васильевне, одной было слишком тяжело. И у Димы появился отчим – Анатолий Кононович Криворотов – тракторист в том же колхозе.

Детские воспоминания Дмитрия – знойная степь, мазут, табуны лихих скакунов.

После окончания неполной школы во Фрунзенском коневодческом совхозе, Дима поступает в 10-ю Ростовскую спецшколу ВВС. Далее – Армавирское лётное училище.

И в 1955 году диплом Фрунзенского высшего авиационного училища. Квалификация – «военный лётчик-истребитель».

И – служба в различных частях нашей Родины. Был в Белоруссии и Туркестане.

25 марта 1960 года судьба сделала счастливый кувырок – Дмитрий Заикин зачислен слушателем-космонавтом в отряд космонавтов ЦПК ВВС.

Началась общекосмическая подготовка.

В 1961 году Заикин поступает в Академию Жуковского, квалификация – «лётчик-инженер-космонавт».

И Дмитрия Александровича вводят в группу космонавтов, которые готовились к совместному полёту (продолжительностью 8-10 суток) на «Востоках» – с 7-го по 10-й. Но эти полёты были отменены, а программа перестроилась на разработку «Восходов».

В январе 1965 года началась подготовка экипажа космического корабля «Восход-2». Собирались лететь Виктор Горбатко, но приболел.

9 марта экспедиция Центра подготовки космонавтов вместе с основным и дублирующим экипажами прибыла на полигон.

Генерал Николай Каманин расставил космонавтов по степени готовности: Алексей Леонов, Евгений Хрунов, Павел Беляев, Дмитрий Заикин.

Кандидатура Беляева вызывала сильное сомнение, так как месяц назад во время тренировки в барокамере он начал задыхаться, но быстро обнаружил неисправность и сам устранил. Однако же эксперимент был сорван.

Несмотря на это, Каманин рекомендовал не менять основной экипаж, поскольку Леонов и Беляев вместе давно готовились и хорошо сработались. Он предложил утвердить Хрунова дублёром одновременно – и командира, и второго пилота, обосновывая это тем, что он значительно лучше Заикина подготовлен для обеих должностей. Но и с Заикина никаких обязанностей не снимать.

В результате дискуссии решили экипажи не менять, но в день старта в скафандры одевать только трёх космонавтов. Каких – не сообщалось.

11 марта первый экипаж произвёл отсидку в корабле. Второму экипажу поработать в лётном корабле не дали – не осталось времени.

12 марта состоялся пуск станции «Луна» для высадки на наш спутник, и – неудачно.

13 марта прошли последние контрольные занятия с экипажем. Когда они закончились, Генеральный конструктор сказал:

- Ну что ж, друзья, наверное, я в последний раз с вами на пуске. «Востоки» и «Восходы» слишком дорого мне обошлись...

Эти слова оказались пророческими. Пилотируемый пуск «Восхода-2» оказался для Сергея Королёва последним. Через 10 месяцев его не стало.

16 марта на Госкомиссии было принято решение: вывезти ракетно-космический комплекс «Восход» на старт 17 марта и произвести его запуск 18 марта. Вечером того же дня Госкомиссия утвердила экипажи.

Основной – командир подполковник Павел Беляев с выходящим в космос майором Алексеем Леоновым

Запасной – командир майор Дмитрий Заикин и выходящий майор Евгений Хрунов.

До последней минуты все четверо не знали, на ком же остановит свой выбор Королёв...

18 марта 1965 года был запущен космический корабль ЗКД N 4, получивший название «Восход-2». На борту – Павел Беляев и Алексей Леонов.

А на Земле за них держали кулаки Заикин и Хрунов – ждали...

И вот, через 1 час 35 минут после старта (в начале 2-го витка), Алексей Леонов первым в мире покинул космический корабль, о чём и объявил – во всеуслышание – Павел Беляев:

- Внимание! Человек вышел в космическое пространство! Человек вышел в космическое пространство!

Телевизионное изображение парящего на фоне Земли Алексея Леонова транслировали все телеканалы мира.

А Заикин начал новую подготовку – в качестве командира одного из смешанных экипажей по программе выхода женщины в открытый космос и командира по программе «Союз».

Как и у всех – и советских космонавтов, и американских астронавтов – путь в космос у Дмитрия Александровича розами усыпан не был.

Заикин имеет сертификат инструктора парашютно-десантной подготовки. Но, к примеру, во время одного из прыжков лопнул купол основного парашюта. А раскрытие запасного – когда тебя стремительно несёт к земле – процедура не из лёгких...

Дмитрию удалось открыть запасной парашют, он благополучно приземлился. Но ведь, как говорил Королёв, *«только стальные нервы делают космонавтов»*.

Но Заикину они не помогли.

В 1969 году медкомиссия отстранила его от занятий по состоянию здоровья. Программы «Земля – космос» не получилось. Получилось: *«Земля – космос – и всё равно, Земля»*.

Он продолжил работу в наземном Центре. Был ведущим инженером по подготовке космонавтов к технологическим экспериментам на орбите, заместителем командира отряда слушателей-космонавтов и одновременно (в порядке исключения) инструктором-космонавтом 1-го НИИ ЦПК.

После увольнения в запас работал инженером-электриком и слесарем по контрольно-измерительным приборам и автоматике 1-го управления ЦПК.

Дмитрий Александрович всю жизнь увлекается резьбой по дереву. Его работы украшают различные коллекции.

Супругу Дмитрия Алексеевича все называют Татьяна Владимировна. Но по паспорту она – До-венарда. Переводят, как «Доверие народа».

В одной из многочисленных статей, посвящённых Заикину, замечено, что лишь такое народное доверие помогает – и лётчику-истребителю, и космонавту – на его крутых виражах.

*

6. Тринадцатый по счёту

Юбилей.

85 лет со дня рождения.

Владимир Михайлович Комаров

Первый космонавт мира,
погибший при выполнении задания.

Первый набор космонавтов.

Лётчик-космонавт СССР.
Дважды Герой Советского Союза
(второй раз – посмертно).
7-й космонавт СССР / России,
13-й космонавт мира.
Инженер-полковник.

Окончил Батайское военное
авиационное училище лётчиков имени Анатолия Серова.

Родился 16 марта 1927 года в Москве.

В 1945 году окончил Московскую спецшколу ВВС.

В 1949 году окончил Батайское авиаучилище.

Служил лётчиком-истребителем в частях Военно-воздушных сил СССР на Северном Кавказе и Прикарпатье.

В 1959 году окончил Военно-воздушную академию имени Николая Жуковского.

В 1960 году зачислен в отряд космонавтов.

Проходил подготовку к полётам на кораблях типа «Восток» и «Восход».

Являлся дублёром командира корабля «Восток-4».

В мае 1963 года отстранён от подготовки по состоянию здоровья.

Через год возобновил работу.

12-13 октября 1964 года совершил космический полёт в качестве командира первого в мире многоместного космического корабля «Восход-1» (экипаж из трёх человек) – 1 сутки 17 минут.

Проходил подготовку к полётам на кораблях «Союз» по Лунной программе СССР.

Позывной «Рубин».

23 апреля 1967 года отправился в космос во второй раз на корабле «Союз-1».

Полёт продолжался 1 сутки 2 часа 48 минут.

24 апреля 1967 года при возвращении из космического полёта Владимир Михайлович Комаров трагически погиб.

Награды.

Орден Ленина.

Две медали «Золотая звезда».

Орден Красной Звезды.

Орден «Роза ветров» Международного комитета по авиации и космическим полётам.

Различные отечественные медали.

Медаль «Золотая звезда» Героя Труда (Вьетнам).

Золотая медаль Константина Циолковского АН СССР

Золотая медаль «Космос».

Медаль де Лаво (FAI).

В одном из залов Третьяковской галереи – притягивает взгляд портрет космонавта Владимира Комарова – работы нашего земляка художника Александра Ивановича Лактионова. На груди – две Золотые звёзды Героя. Но вторая – посмертно.

Прах Владимира Комарова – в урне в Кремлёвской стене.

Но официальная могила – вторая. А по времени – она первая.

После того, как госкомиссия увезла в Москву останки, продолжавшие работать на месте специалисты нашли ещё несколько фрагментов тела.

Не связываясь с официальными инстанциями, они на следующий день после трагедии захоронили – то, что нашли – прямо на месте гибели, в степи под Орском.

В 2006 году вышел фильм «Космос. Первая кровь». Основан на документальных фактах. Авторы провели собственное расследование катастрофы.

В фильме звучит полная звукозапись переговоров Владимира Комарова с Землёй перед трагическим спуском. Ранее эту запись слышали лишь несколько специалистов.

В 1943 году Володя Комаров окончил семилетку и поступил в 1-ю Московскую спецшколу ВВС – очень уж хотелось стать военным лётчиком! Но аттестацию прошёл в июле 45-го, когда война уже закончилась.

Учился в Борисоглебской авиашколе. В июле 1946 года курсанта перевели в Батайское училище. А через три года, в Грозном, началась профессиональная служба военного лётчика-истребителя Владимира Комарова.

В 1959 году успешно окончена Академия Жуковского, и его отправляют заниматься испытаниями новых образцов авиационной техники в Государственный Краснознамённый НИИ ВВС.

Здесь Владимиру Михайловичу предлагают новую секретную испытательную работу и в 1960 году зачисляются в отряд космонавтов.

В апреле 61-го общекосмическая подготовка была завершена, и Комаров начинает готовиться к полёту на космических кораблях «Восток» и «Восход».

Полётов на его счету – два.
Фатальным стал второй.

Ранее, 12 октября 1964 года, на корабле «Восход» космонавты – учёный Константин Фектистов, врач Борис Егоров и командир Владимир Комаров – впервые в практике мировой космонавтики стартовали втроём и без скафандров.

Что уже было на грани фола.

СМИ захлёбывались от радостной информации.

Впервые в мире – многоместный космический корабль!

Впервые в мире – на орбите не только военный лётчик, но также инженер и медик!

Впервые в мире – полёт без скафандров!

Впервые в мире – применена система мягкой посадки!

И корабль 16 раз облетел земной шар!

Позывной «Рубин» сутки звучал с орбиты.

Слава Комарова – как командира первого в мире многоместного экипажа – зашкаливала.

В действительности всё было не так радужно.

Основная задача полёта – обеспечение приоритета СССР в космосе.

И в условиях пресловутой «космической гонки» многоместный «Восход» спешно сделали из ггаринского «Востока», убрав из спускаемого аппарата катапультируемое кресло.

Но втиснуть в «новый» корабль трёх космонавтов, облачённых в скафандры, всё равно не удалось. Поэтому их в космос так и отправили – в костюмах не космических, а спортивных.

К счастью, тот полёт окончился благополучно.

В связи с этим хочется отметить интересную деталь: несмотря на краткосрочность полёта, космонавты стартовали при Хрущёве, а докладывали о результатах – уже Брежневу, поскольку на следующий день после их посадки Никиту Сергеевича низложили. Это памятный Октябрьский пленум 1964 года.

По дороге в Кремль Комарову даже пришлось переучивать торжественную речь: вместо *«Дорогой Никита Сергеевич»* обращаться предстояло ко всему Центральному Комитету партии.

Позднее в обращении снова появится «дорогой» – Леонида Ильича по-другому не называли.

В 65-м Владимира Михайловича назначают инструктором-космонавтом в группу подготовки по программам Министерства обороны, а в сентябре он начинает готовиться к полёту на «Союзе-1».

Этот рейс оказался роковым.

По официальной версии ТАСС – *«стропы запасного парашюта скрутились из-за вращения спускаемого аппарата»*.

Идея создания и проектная документация кораблей серии «Союз» закладывались Сергеем Павловичем Королёвым. Но Генеральный конструктор не дождался лётных испытаний.

Темпы работ не снизились. Но испытания протекали очень сложно.

Однако новый Генеральный конструктор Василий Мишин такого непререкаемого авторитета (как у своего предшественника) не имел и часто не мог противостоять мощному давлению сверху.

А руководство страны торопило: уже два года в СССР не было пилотируемых полётов. В конце концов, и разработчики поддались искушению, уверовав, что присутствие на борту корабля живого космонавта снимет большинство вопросов, возникших в предыдущих полётах.

Сегодня «Союз-1» – это самый надёжный в мире космический корабль. Его усовершенствованная модификация используется в качестве корабля-спасателя на Международной космической станции.

А тогда – корабль, совершивший до этого всего три беспилотных (причём все – неудачные!) полёта – отправили в космос с человеком на борту!

Первый «Союз» вывели на орбиту в конце 1966 года. Он плохо маневрировал и во время посадки стал уходить на территорию Китая. Аппарат пришлось взорвать.

Второй взорвался сам – ещё на старте.

6 февраля Каманин записывает в дневнике:

- Сегодня – запуск беспилотного корабля «Союз». Третья попытка! Первые две оказались неудачными. Твердой веры в надёжность «Союзов» у нас нет; беспокоит и слабость технического руководства: Мишин как руководитель не силен...

Полёт этого «Союза» протекал благополучно, а на спуске опять что-то не сработало, и он ушёл на дно Аральского моря.

Начальник Академии Жуковского генерал-полковник Владимир Ковалёнок отмечал:

- Третий, «зачётный», корабль «Союз» оказался таким же сырым, как и его предшественники; мы его трое суток искали на вертолётах, обшарив пространство размером с пол-Казахстана... Само собой, не найди мы тогда его на дне Арала – Володе Комарову вообще не пришлось бы никуда лететь!..

И, хотя корабли «Союз» нельзя было считать отлаженными, однако для них уже придумали дерзкую, эффектную программу. На трёхместном «Союзе-1» стартует Комаров; на следующий день на «Союзе-2» летят Валерий Быковский, Алексей Елисеев и Евгений Хрунов.

«Союз-1» подходит к «Союзу-2» и стыкуется с ним. Елисеев и Хрунов – через открытый космос – переходят в корабль Комарова, и все идут на посадку.

Программу выполняют. В январе 69-го. Только вместо Быковского полетит Борис Волинов, а вместо Комарова – Владимир Шаталов.

А пока идёт нынешняя подготовка. В ускоренном темпе – приближалось 1 мая.

Старт состоялся 23 апреля 1967 года.

Неприятности на орбите начались сразу же – не раскрылась одна из панелей солнечных батарей. А это значит, что бортовые системы «Союза» (которые, как нам обычно сообщают, «работают нормально») не получают необходимого питания и скоро он начнёт остывать.

Вдобавок – запотел солнечно-звёздный датчик, отказали приборы новой системы ориентации из-за «ионных ям» в атмосфере (раньше о них не знали).

Как следствие – космонавт не мог посадить корабль с использованием его аэродинамического качества. Спуск мог быть только баллистическим – то есть, с большими перегрузками.

То есть, «однокрылый» «Союз-1» не ориентируется в пространстве. И поэтому не сможет сблизиться и состыковаться с другим кораблём.

И, значит, запуск второго «Союза» надо отменять.

Почему на Земле решили полёт продолжать – не ясно.

И всё же Владимир Михайлович справился – замерзающий, с отказывающей техникой – сумел провести посадку вручную.

Для переговоров – чтобы подбодрить – приглашается Гагарин – дублёр Комарова в этом полёте.

На Земле слышали: «Я – Рубин! Сейчас будет разделение...» – имелось в виду разделение отсеков – и вздохнули спокойно.

Тем более, поисковая группа доложила, что уже видит опускающийся «Союз».

Но опускающийся «Союз» на огромной скорости врезался в степь.
И всё...

Огонь закидывали землёй.

От «Союза» сталась полулужа – полугруда расплавленного металла.

В этой субстанции поисковики смогли найти лишь, как указано в отчёте, *«фрагменты тела космонавта»*.

Никакие стропы не запутались. Тормозной парашют вышел и открылся. Но он не смог вытянуть купол основного!

При высокой температуре теплозащита аппарата полимеризуется и выделяет бесцветные смолы, которые оседают на металле и, обладая клеящимися свойствами, могут значительно увеличить коэффициент трения.

Собственно, самый обыкновенный физический закон.

Говорили, что при укладке основного парашюта, его вбивали в контейнер молотками – настолько высоким было трение о стенки... И, что, в нарушение технологии работ со спускаемым аппаратом (при его испытаниях в автоклаве), контейнер не закрывали крышкой...

А насчёт скручивания строп – на последующих кораблях на всякий случай были введены вертлюги, предотвращающие закручивание.

Вспоминает инженер-полковник ВВС в отставке Николай Варваров:

- Где-то в середине февраля я получил сигнал из Звёздного о том, что из командировки вернулся космонавт Комаров. В ЦУПе я разыскал Комарова и застал его в чрезвычайно озабоченном состоянии.

Владимир Михайлович с досадой в голосе заметил: «Все ранее запущенные беспилотные «Союзы» по разным причинам гробанулись. Наивно думать, что следующий корабль, условно говоря – мой, будет принципиально отличаться от предыдущих!

Так что же, если с «Союзом» за время, пока его гоняли в беспилотном варианте, его создатели так и не поняли, что делать для обеспечения его надёжности здесь, на Земле, – скажите: что к беспомощности целой могучей отрасли промышленности – я смогу добавить там, в космосе, оказавшись наедине с этой развалюхой?! Надеюсь, вы меня понимаете!

Над ним подшучивали, мол, тринадцатый по счёту, потому и боишься...

Но Владимир Комаров тогда был старший по возрасту в первом отряде космонавтов и единственный – с высшим инженерным образованием, что и определило выбор именно его кандидатуры для выполнения сложнейшего пионерского полёта на корабле «Союз-1».

Через несколько дней после трагедии Гагарин сказал журналисту Ярославу Голованову:

- Он показал нам, как крута дорога в космос... Мы научим летать «Союз». В этом я вижу наш долг перед Володиёй. Это отличный, умный корабль. Он будет летать...

И первый космонавт Земли в этом не ошибся.

Ошибся в другом.

Юрий Алексеевич верил, что сможет сделать ещё очень много хорошего и нужного для своей Родины – раз сейчас судьба его почему-то сберегла.

Ведь, вполне возможно, будь жив Сергей Королёв, и хоронить 26 апреля 1967 года пришлось бы первого космонавта Земли, поскольку Генеральный конструктор твёрдо обещал Юрию Алексеевичу второй полёт на этом новом корабле.

Но судьба – подарила ещё только год. 27 марта 1968 года пилоты Юрий Гагарин и Владимир Серёгин погибли во время испытательного полёта.

А за 40 дней до рокового рейса тринадцатому космонавту мира исполнилось 40 лет. Друзья не советовали отмечать...

Владимир Михайлович Комаров – почётный гражданин городов Калуга и Грозный и Нант (Франция).

Его именем названы кратер на Луне и малая планета № 1836, научно-исследовательское судно и Ейский высший военный авиационный институт.

Эскадрильи, пионерские лагеря, школы, дома культуры, улицы (более чем в 50 городах, включая Ростов) – и у нас, и за рубежом.

Международная авиационная федерация учредила Почётный диплом имени Владимира Комарова.

Американские астронавты, побывавшие на Луне, оставили там памятные медали с изображением людей, отдавших жизнь освоению космоса – Владимира Комарова, Юрия Гагарина, Вирджила Гриссома, Эдварда Уайта и Роджера Чаффи.

И ещё – именами Владимира Комарова, Владислава Волкова, Георгия Добровольского и Виктора Пацаева названы четыре планеты в популярной компьютерной игре Mass Effect-2 (созвездие Память скопления Центр Аида).

*

Конец первой книги